

Ярослав Астахов

КРУШЕНИЕ ЛАБИРИНТА

Ярослав Астахов

Крушение лабиринта

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161202

Крушение лабиринта: Альва-Первая; Москва; 2005

ISBN 5-98668-002-2

Аннотация

Где пролегает грань между человеком и богом? Какие приключения придется испытать в Лабиринте, чтобы обрести силу творить божественное? Кто правит миром: человек? боги? или Всевышний Бог? Роман Ярослава Астахова посвящен разгадке вечных вопросов, которые привлекают мысль человека на протяжении всей истории. Возможно, что он будет перечитан Вами не один раз... Известное библейское изречение: «истинно говорю вам – вы боги!»... Античное прозрение Гераклита: «смертные – бессмертны, бессмертные – смертны; смертию их живут, жизнью их умирают»... Вопль души Ницше, наконец: «необходимо тройное мужество, чтобы жить в лабиринте!!!»

Содержание

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ	4
Крушение лабиринта	14
Часть первая	14
Часть вторая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ярослав Астахов

Крушение лабиринта

роман

**ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
СИМФОНИЯ ЛАБИРИНТА
(фрагмент статьи из альманаха
«Исконный Триглав», выпуск
2, М.: Альва-Первая, 2006)**

Когда я читал этот роман Астахова первый раз, у меня было впечатление, что передо мною *визионерский текст*. Есть авторы, обладающие редчайшим даром: увидеть прошлое или будущее так ясно, как если бы события происходили на их глазах. Такие просто записывают открывающееся им, и в результате может получиться пророчество. Или же может назреть решение какой-либо исторической загадки.

Я думал, что роман Астахова призван разрешить *загадку острова Крит*. Его древнейшая цивилизация была уничтожена Микенами где-то еще во времена ранней античности. И от нее осталась только легенда. Она вошла в эпос Греции как

повествование о Тезее и минотавре. В чем фабула? На Крите существовал исключительной сложности лабиринт. В его глубинах обитало чудовище с головою быка и человеческим телом. И в жертву этому чудищу – Минотавру – приносили прекрасных юношей. Один же из них – Тезей – сумел победить обитателя лабиринта и выбраться из коридоров его на волю, потому что у него была путеводная нить, которую дала ему Ариадна, дочь царя острова. Тезей и Ариадна полюбили друг друга. Но счастье их омрачилось тем, что, в результате небрежности Тезея, отец его совершил самоубийство...

Официальная наука не может разгадать тайну, как именно была устроена критская цивилизация. Если судить по данным раскопок, она была вся соткана из одних парадоксов! Остров располагал огромным богатством. Раскопаны были его величественные дворцы, занимавшие обширные площади. Эти строения представляли, по внутренней схеме устройства своего, лабиринт. Некоторые такие лабиринты имели еще по несколько подземных уровней. Богатые сооружения и притом великолепно украшенные... Но не встречается нигде ни одного изображения воинов! Ни следа оружия... Так неужели Крит не знал армии? Но как он в этом случае был способен долгие века процветать на глазах алчного и весьма воинственного соседа?

Произведения искусства говорят о высокой духовности древнейшей цивилизации острова. Вот наиболее часто встречающиеся изображения на стенах его дворцов. Люди с

отрешенной улыбкой, в глухих одеждах, исполненные достоинства и покоя. А также изображены стремительные обнаженные фигуры, полностью отдавшиеся течению танца. Искусный растительный орнамент... животные, не боящиеся людей... И никаких изображений охоты! И не встречаются фигуры стражи при господах, как если бы между сословиями существовал нерушимый мир... И, что уже совсем удивительно, древние обитатели Крита не творили себе кумиров! Никаких следов культа. (Единственное, что позволяют имеющиеся данные допустить, так это разве только культ *лабиринта*.) Идиллия, одним словом... или *утопия*, как это бы назвали теперь, в отчаявшийся наш век!

Но чем же тогда поддерживался гармонический сей порядок? Никак не силой оружия. Не страхом перед жрецами, что было у ацтеков, поскольку не обнаружено сцен, изображающих приношение кровавых жертв... Чем же?

Какое-то время я был совершенно убежден: «Крушение Лабиринта» написано потому, что автор узнал ответ. *Увидел* этот ответ, как видят визионеры. И передал полученную информацию в художественной форме. Правда, нигде в романе прямо не назван Крит и не говорится о загадке его. Но в нем содержится интересная версия, разрешающая все упомянутые противоречия! Решение представляется фантастическим, и однако... «Достаточно ли безумна эта гипотеза, чтобы быть верной?» Уж если такой критерий был предложен в области точной науки физики, то...

К тому же и стиль романа, казалось, подтверждает мою изначальную гипотезу о цели создания его. Используется настоящее время. Любой эпизод представляет собой отрешенное и точное описание картин, которые как бы вот сейчас текут себе непрерывной чредой пред взором визионера. (Захватывающих картин, кстати! «Крушение Лабиринта», по моему, просится на экран.)

Время шло.

И через какое-то время я пересмотрел свою изначальную гипотезу, как ни странно.

Ведь этот небольшой по объему роман оказался – зерна, просыпавшиеся на поверхность моего разума. И семена дали корни, которые начали прорастать все глубже...

Я начал понимать, перечитывая отдельные места: Остров, о котором повествует роман, – это едва ли есть *только* какой-то конкретный остров, затерянный в океане! (Сколько бы ни было совпадений с Критом.) Скорее у Астахова этот Остров – метафора государства. А может быть и цивилизации вообще, с ее культурой и мистикой, с ее войнами... С ее иерархической пирамидой и постоянной свободой выбора между аристократией и – увы, теперешние реалии заставляют говорить «простите за выражение» – демократией. Словом, я стал вторично читать «Крушение Лабиринта» уже как... философский трактат!

Кто мог бы предположить? Богатый легкий язык; сюжет,

раскручивающийся более интенсивно, чем если бы то был героико-мистический эпос... По первому прочтению пролетаешь книгу, почти не замечая *глубинного* ее содержания. А только лишь волнуют вопросы: что будет дальше? чем же это все кончится?

И вовсе иное дело, когда ответы на эти вопросы знаешь уже и возвращаешься я к тексту. Тогда-то и обнаруживаешь, *о чем* этот язык повествует на самом деле; какие символы-знаки расставлены на крутых поворотах сего сюжета. Роман «Крушение Лабиринта» это, я бы сказал, продуманное бого-миро-воззрение, изложенное символическим языком. Он представляет собою не что иное, как целостную метафизическую систему автора.

Система эта оригинальна и весьма примечательна. В чем именно ее суть? Не стану никого особенно утомлять – помяну лишь некоторые, разжегшие мой пристальный интерес, моменты.

Со смертью Государя происходит Крушение... Что именно в этой связке есть следствие, что причина? Не очень простой вопрос...

Еще – четыре иерархические ступени: звери, человек, боги, Всевышний Бог... Невероятные по тяжести испытания – что представляют они собою: проклятие? или же... необходимую и достаточную точку опоры, чтобы перевернуть собственное мировосприятие и восходить со ступени на ступень?

Центральная философская тема есть, на мой взгляд, взаимоотношение внутри цивилизации и культуры двух уровней: Круга Внутреннего и Круга Внешнего. И эта тема, изложенная в символической форме, пронизывает собой весь роман. Астахов принимает здесь эстафету Германа Гессе и его «Игры в бисер». Насколько получилось у автора развить успех Мастера и сказать больше по этой теме? Я думаю, в значительной степени удалось; но, впрочем, судить читателю.

Хотелось бы и еще отметить один момент. Метафизичность романа скрыта, как я сказал, и производит он, при первом его прочтении, впечатление летящего приключенческого эпоса. И тем не менее эту скрытую его природу все же кое-что выдает. А именно, использование такого структурирующего приема, как *смысловые фрагменты*. Не только части поделены на главы. Главы содержат в себе фрагменты: несколько абзацев отделены пробелом – как бы небольшая главка внутри главы. Так вот, подобное написание характерно для философского труда. Логический фрагмент несет законченную идею. Он представляет собою очередной и завершенный в себе понятийный шаг, необходимый автономный этап развертывания целого. Подобные фрагменты бывают у философов даже пронумерованы ради удобства работы с ними. Художественная же проза возделывается, обыкновенно, как текстовое сплошное поле, непрерывное от начала и до конца главы. Поэтому смысловой *художественный* фрагмент – это нововведение Астахова. И оно оправдано.

Так явная беллетристика и скрытая метафизика мирно сосуществуют в едином тексте, не утесняя друг друга.

Я не могу сказать, что это второе, философское прочтение романа закончилось для меня. Чувствую, что буду еще возвращаться и возвращаться к этому миру мысли. Но в настоящее время *этот* уровень интереса к роману несколько отступил. Потому что я увидел в произведении Астахова еще нечто третье. Собственно роман. Острую драму и лирическую поэму. Первые прочтения отвлекали меня от этого звучания «Крушения Лабиринта», потому что думалось о загадке острова Крит и о высоких материях философии. Может быть, это потому что я человек более «головной», чем «сердечный». Другой читатель, наверное, скорее обратил бы внимание на то, что я в полной мере чувствую лишь теперь.

Ведь это же не только символы и философские схемы. Это история отношений живых людей и написана она так, что не остается сомнений: перед тобою исповедание опыта – не только духовного, но и сердечного. И не случайно, я думаю, такое посвящение у романа: той, без которой эта книга никогда не смогла бы появиться на свет.

Да, на Руси у нас разум испокон не бесчувственен и не холоден, как, впрочем, и сердце живое человеческое – не бездумно. Невольно вспоминается духовная заповедь святых отцов: ум держи в сердце...

И возникает неожиданное сопоставление. Эта напряжен-

ная драма мысли и чувства «Крушения» и... переписка русского философа Лосева Алексея. Этот герой прошел свой страшный Лабиринт не в романе, а в жизни. Лабиринт жестокой судьбы... Лосев был репрессирован в тридцатые годы. Меня в свое время потрясли письма, которые он писал из тюрьмы жене. Не могу удержаться и процитирую фрагмент одного из них. «Никогда раньше не была посылаема такая покинутость Богом и людьми, такие метания во тьме и буре по бездонному и безбрежному морю. Кто это поймет, кроме тебя!? Бесплодные вопросы доводили меня порой до такой тоски, что в душе начинала klokотать черная буря протеста, ропота и настоящего бунта против высших сил. Ум все время успокаивал. Ум, воспитанный на борьбе с ложными и искаженными формами мысли и жизни, все время вел себя образцово, стараясь внести мир и покой. Но душа мало подчинялась уму, и klokотал озлобленный огонь и темный ропот против Неба, разрушившего столь ценную и редкую жизнь, каковой была наша с тобой. И теперь еще временами нападает на меня эта мучительная смесь злого и яростно klokочущего бунта с беспощадной немощью, бессилием и отчаянием. Одни и те же сны являлись мне в течение полутора лет; и прекратились, кажется, только теперь. То снится мне... что держу в руках какую-то очень, очень интересную книгу и знаю, что в ней есть одно замечательное место, рисующее всю мою жизнь. Ищу, ищу это место, — и никак не могу найти. То стою на клиросе и веду богослужение. И вот

наступает время, когда нужно вставить особую стихирю, а я ее не приготовил и нигде не могу найти. Служба останавливается, а я бесплодно и мучительно продолжаю свои поиски. Масса и других снов, но – все в этом же роде... Часами твердил твое сладкое имя и звал тебя на помощь, никак не имея возможности поверить, что мы разлучены навеки». И, тем не менее, в письмах звучит надежда!

Роман Астахова также оставляет надежду, что разлучены влюбленные не навеки.

И вообще он оставляет светлое ощущение уверенности, что Надежда не тщетна. По поводу и таких вещей, которые далеки, вроде бы, от канвы «Крушения Лабиринта». Я лично, по прочтении, почему-то весьма укрепился в вере, что государство русское не навек разлучено с естественной для него традиционной формой правления – православной монархией. А также – что не навсегда разлучены меж собою две исконные великие ветви единой Русской Традиции: ведение о богах и ведение о Троиедином Всевышнем Боге...

Казалось бы, какая связь между перипетиями мистического романа, действие которого происходит в античные времена, – и злободневными русскими вопросами? Но связь есть! И состоит она в том, что произведение Астахова есть абсолютно русское по своему духу, по своему глубинному содержанию. По форме можно ведь писать хотя бы и о событиях в другой галактике, если это позволяет лучше раскрыть

идею.

Впрочем, в романе есть и прямое указание на то, что могущественная цивилизация, о которой идет в нем речь – одного корня с нашей, имеет северные истоки. Царь Острова повествует: «На Остров его¹ принес Файрий, царь богов первый... А Файрий получил его от Владыки мира. Получил там, за Северной Великой Водой, за льдами... Да, Тессий, – во времена, когда еще не совсем исчезла священная земля, из которой в мир, в начале населяемый лишь людьми, пришли боги». Конечно, речь идет об Арктиде – про легендарный континент полюса, изображаемый таинственной картою Меркатора. Русская же Северная Традиция и по сие время хранит предание, что наши прямые предки были духовными наследниками арктов, как и герои этого замечательного романа Астахова.

Анатолий Дворецков

---

¹ скипетр

Крушение лабиринта

Часть первая ПЛЕНЕНИЕ

Солнце – огневой плод – созрело, и незаметно-медленно падает за грань мира. И дали бесконечной воды окрасил закатный сок...

Сияющая сфера соприкасается с огневою кромкой. И она тихо, как будто бы под действием своей тяжести, закатывается в ничто.

Вода и воздух изголодались, верно, по этой ночи. Столь быстро и охотно они напиваются глубокой тенью. И делается почти что не отличим от поверхности моря мыс, который напоминает, с высоты чаячьего полета, ее же, этой птицы, крыло – расправленное во взмахе.

Таково свойство сумерек. Они стирают различья между стихиями, но они же ярче обозначивают границу. Эта граница – дышит. Она становится все более снежной в окружающей темноте: пенится, вбирая в себя сияние звездных бездн, прибой.

Он видится молочного свечения зыбкой лентой, очерчи-

вающей контур мыса. И темнота, которую обнимает лента, мертва.

Однако...

Вот из нее проступает... исчезла... вновь проступает – огромная как будто монета. Реверс, чеканенный из огня. На расстоянии где-то приблизительно трети от основания мыса.

Что бы могло оно быть?

Светило ли это дня обронило свой блик *во времени*? Оно закатилось только что, но, быть может, случается иногда эхо *образа*, как и эхо звука? В такое можно поверить, созерцая сей светящийся и правильный, словно очертанье планеты, контур.

Что делает его видимым? Пламя ли замирающего пожара? Кружение огоньков сотен факелов? Определить невозможно, потому что видны лишь *отсветы*, но остается непонятным образом скрыт огонь, который бросает их.

Он делается все более равномерным и постоянным, сей тайный свет. Как будто от разгорающегося костра, которого языки перестали перебегать и биться, и слились во одно пламя – в огневой ствол, вонзающийся в зенит.

Теперь таинственный круг, освещенный ровно и мощно, напоминает амфитеатр. Его пространство словно бы покрыто все плитами, стыкованными столь плотно, что даже не различить намека на сочленения. А может – сочленений и

нет, а просто этот круг высечен в монолитном теле каменного пласта, который подстилает слой почвы.

Но это не амфитеатр в полном смысле. Ни хоровода арок, поддерживающего уступы. Ни самых этих уступов, которые возвышались бы расходящимися кольцами вокруг арены. Нет вообще ничего, что как-нибудь предполагало бы *зрителей*.

Лишь *сердце* амфитеатра.

Арена.

Заглубленная в землю на половину человеческого роста. Широкая. Отблескивающий гранитный круг – сияние спрятанного огня исторгает его из недр ночи.

И вьется некий темный узор близ внутреннего края этого круга. Широкою полосой и на одинаковом расстоянии от границы. Его слагают линии углублений, ломаные, редко округлые. И, вероятно, они глубокие, потому что они везде залиты черной тенью.

Их очертанья повторяются, но не периодически. Это рождает мысль, что сложная система борозд образует не просто прихотливый орнамент. Скорей это какие-то *письмена*, понятные посвященным. И...

Эти посвященные здесь присутствуют!

Мгновение назад не было никого – лишь озаренное и пустое пространство круга. Но вот теперь – медлительная череда фигур, обходящих амфитеатр...

Немыслимое дело уже поверить, что они *появились*. Вот только что их не было, но сейчас – как будто бы они здесь *были всегда*.

Глухие одеяния окутывают их плечи, ниспадая до пят. Становится иногда невозможно определить: они движутся или замерли. Их белые силуэты напоминают свечи в сиянии звезд. Но прячущееся багряное пламя обличает иногда колыханье складок. И намечается как будто ритм танца, которого еще нет, но который готов родиться.

И все быстрее поверх вереницы знаков скользит череда теней!

Вокруг амфитеатра непроницаемой стеной черные, колышущиеся под ветром травы. Они густы и высоки, в них легко спрятаться. Багряное сияние выхватывает лицо, выглядывающее из мрака трав.

На нем и восторг, и страх. И напряженное трепетное внимание... юношеские, почти еще совсем детские черты.

Тайный соглядатай шепчет, опасливо прикрыв рот ладонью, не отрывая взгляда, горящего, от фигур в круге:

– Они ведь не особенно даже и выше ростом, чем люди... верно?

– Нет, все-таки немного крупнее, – слышится в ответ иной шепот. – Ой!!

Шествующие по камню круга, за чертой символов – сбра-

сывают одежды.

Каким-то очень быстрым движением. Одновременным, неуловимым. Как если бы им был подан знак.

Теперь они застыли в неподвижности. Женские и мужские тела – и лепка их *безупречна!* По крайней мере – насколько позволяет судить пульсирующая тень, которая размывает некоторые линии, но властно обнаруживает рельеф...

– *Боги!* – выдыхает сказавший первым. – Вы обрекаете на смерть всякого, подсматривающего за Играми. Справедливо. Ведь и за один взгляд на вас не жаль отдать жизнь!

Стремительные теневые полосы пробегают по телам замерших. Как если бы мелькало что-то меж ними и невидимым источником света. Они обнажены полностью, стоящие в круге, и только лица скрывают маски. Глухие, не имеющие даже и прорезей. И одинаковые у всех – у мужчин и женщин. Просверкивает иногда на запястьях или на щиколотках цветной лучик. Огонь оживляет камень, вправленный в искусный браслет.

И вдруг приходит *удар*.

Он представляет собой всплеск *звука*, но очень странного. Слышимого едва – и однако *чувствуемого* всем телом! Наверное, это подобно звуку падения гигантского молота, приглушенного войлоком, на пустотелую наковальню.

И – как будто бешенный вихрь взбрасывает неподвижные до сего тела!

Кипит музыка, воспринимаемая скорее кожей, нежели слухом.

В неистовой немой пляске летят сияющие фигуры!

*Игра... Вот, значит, какая она собою, эта Игра богов!
Родившаяся и все не гаснущая, все продолжающаяся молния.*

Живые трепеты нагих тел сливаются в одно пламя. Как чувствующий пожар!.. Как пляшущее кольцо огня, обретшее прихотливый разум... Неистовая стихия танца становится постепенно медленнее, спокойнее. И вот ее течение напоминает уже поток, ветвящийся на ручьи.

Похоже, это теперь не пляска... а это нечто уже иное! Игра перетекает в новую фазу... Два мальчика привстают, забывшись, из мрака трав.

Они заморожены новым, что происходит в Круге. Они теряют себя... и оба они теперь – лишь исступленное созерцание! Дыхание их делается учащенным, прерывистым...

И в это время позади из травы неслышно поднялись шесть фигур.

Их силуэты выделяются резко на фоне звездного неба. Можно различить перекатывающиеся буграми мышцы, чуть взблескивающие ремни.

Четверо бросаются к мальчику, который стоит к ним ближе. Двое его хватают. Другие двое, тем временем, замерли чуть поодаль, чтобы не позволить ему уйти, даже если он

вдруг и сумеет вырваться. Но схваченный успевает крикнуть:

– *Немые!*

Это позволяет его товарищу увернуться от метнувшихся к нему рук. Он падает, потеряв равновесие. Но сразу же и откатывается в сторону, вскакивает – и растворяется в колыхающихся вокруг стеблях.

Двое *немых* бросаются за ним вслед.

Поодаль высится камень, темный, и очертания его различимы едва во мраке. Подобных скальных обломков немало, видимо, на пространстве мыса. К этому камню направляется один из оставшихся охранять плененного. Становится неподвижно около. Медленно ведет раскрытой ладонью вдоль черной вертикальной поверхности.

И под его рукой возникают знаки, светящиеся белым. Четыре руны.

Их можно истолковать: ПРИКАЗЫВАЮ – ЗНАК СМЕРТИ СХВАЧЕННОМУ.

Двое *немых* заламывают мальчику руки за спину.

Третий подходит спереди, медленно. И мальчик видит у него в руках короткую цепь. Широкие и темные звенья не дают блеска в свете звездного неба. *Немой* несет ее за концы, середина же провисает, слегка позвякивая. И можно различить: в середине цепи к ней прикреплен какой-то предмет.

Крайние же ее звенья, по-видимому, разомкнуты.

И срез их начинают *светиться*. Красным.

А затем белым.

Как будто бы два эти звена все более накаляются от невидимого огня. И тем не менее страж Игры продолжает спокойно держать в руках эти звенья.

Плененный стремится вырваться.

От подносимого света у него суживаются зрачки.

Малиновый ослепляющий жар все ближе к его глазам...

стражник – вдруг резко соединяет концы, сияющие, за спиной мальчика, в гуще опаленных волос. И слышен легкий хлопок.

Жар исчез, как будто его и не было. Разомкнутые звенья *срослись*, и, слившись, они померкли. И только лишь колкий холод разбегается теперь волнами мурашек по коже пойманного. Как будто бы на шее у него ожерелье, только что поднятое из омута, где пролежало оно немалое время около ледяного ключа.

Истаивает облачко измороси... на груди пленника – серебряный полудиск, прикрепленный к цепи. И вспыхивает на нем, на одно мгновение, слабый свет – и обегает рисунок: скорпия, изготовившаяся к удару.

И в этот миг умирает в небесах метеор, прошив бархат бездны.

СМЕРТЬ

Базальтовые стены колодца уходят вверх. Влажные, они блестят в тусклом свете. Где-то высоко есть отверстие, но его нельзя видеть — все скрыл текучий, плавающий туман.

Пол камеры бугрист, узок. И брошено на нем тело — мальчик, схваченный этой ночью. Он распростерт на спине, недвижим. Его голова безжизненно запрокинута, веки сомкнуты.

Но движутся под ними глаза.

И губы, время от времени, начинают шептать бессвязное. И вздрагивает на груди полудиск, и бряцает иногда слабо о гранитный пол цепь. Все тело мальчика покрывает пот, несмотря на холод.

Он предан одиночному заключению в бесконечно высокой камере. Но в действительность одиночества не легко поверить. Огромная и белая голова склонена над мальчиком — тяжелая, неподвижная.

То каменное изваяние быка: его свирепой склоненной морды и мощной шеи. И это — изображение бога, не только зверя. И будто бы работа груба, но на самом деле сие лишь лаконичность резца, желающего не славы, а передать постигнутое.

Контур массивного загривка так совершенно вписан в

случайный излом стены, что создается цепенящее впечатление: широколобый зверь замер, наклонив рогатую голову... *вот в это самое мгновение выступив из этой скалы.* Как будто он пронизал ее насквозь. Ведь камера не имеет входа.

На выпуклом пространстве между рогами – знаки, которых шесть. И складываются они во фразу: УТРОМ ЭТОГО ДНЯ ДАРУЮ ТЕБЕ СТРАНСТВИЕ.

Свечение, пронизающее туман, становится, постепенно, ярче. Где-то далеко, где-то вне этой невообразимой толщи – восходит солнце.

Приходит из недр удар.

Неслышимый, и однако настолько сильный, что вздрагивает бугристый пол. И мальчик открывает глаза.

И взгляд, родившийся чуть, оказывается немедленно поглощен каменным, неотступным взглядом. Захвачен прицелом глаз – пустых, но как будто выталкиваемых яростью из орбит.

Из одного кошмара пробудиться во следующий!

А с глыбою, которой придана форма главы быка, начинает происходить странное. Она как будто бы нагибается, клонится... А ведь на самом деле это она *опрокидывается*, неудержимо падает!

И лишь в последнюю секунду лежащий успевает скинуть

оцепенение и откатиться в сторону.

Рога ударяют в место, где за мгновение до этого были грудь и предплечье мальчика. Выщербленный пол вздрагивает. Огромная голова лежит, и выглядит она теперь *отсеченной*.

Над ней зияет отверстие.

Его закрывала собою глыба, пока не пала.

И это отверстие представляет собою правильной формы арку – вход в камеру. За ним неплотная тьма, и в ней угадывается уходящий вдаль прямой коридор; его неровные своды выхватывает, похоже, вздрагивающее вдали пламя.

Алые беспокойные блики все ярче на завитках каменного загравка...

Она казалась намертво врезанной в эту стену, рогатая голова! Она готовила мне гибель... она же – открыла потайной путь, какой невозможно было предположить из каменного мешка.

Обнажена поверхность огромного каменного шарнира, державшего изваяние, и она мерцает, отполированная до блеска. И узенькие ступени вырезаны по ней, симметричные, с двух сторон.

В проеме арки являются, по двое, закутанные в багряное – и расходятся, синхронно спускаясь в камеру по ступеням.

На лицах алые маски. Движения уверенны и точны,

несмотря на то, что прорезей для глаз нет.

В безмолвии обтекают они поникшую рогатую голову. Потрескивают в руках факелы. Вот кто-то вздергивает мальчика на ноги, и его ведут, и понуждают его подняться по тем ступеням.

Его куда-то влекут, поддерживая слегка под руки... перед ним открывается нескончаемый коридор.

Тяжелая голова становится позади на место, почти бесшумно. И отсекает свет утра... туннель однообразен и прям. Танцует от многочисленных сквозняков огонь, который несут идущие. Плывет однообразно по сторонам камень шершавых стен.

Ось коридора пряма – и при этом его ширина проема меняется с каждым шагом, волнообразно и регулярно. И это создает впечатление, будто пространство вокруг пульсирует, будто бы стены туннеля – дышат.

И возникают по сторонам иногда тяжелые гнезда тьмы. И невозможно понять, что это: какой-то подземный ход или, хоть и глубокая, но все же слепая ниша.

Не ВЕЧЕН ли это путь? И не он ли, один лишь он был всегда, а прочее – сны в пути?

Но появляется вдали свет. Слабый, и однако он спокойный и белый. Наверное, это цель. Багряное мерцание растворяется и смолкает пред стрельчатым высоким проемом, перед сиянием утра.

Они проходят... подобного великолепия мальчик еще никогда не видел! Просторный солнечный зал, и его округлые стены облицованы мрамором и равномерно суживаются все вверх. Тем самым образуя пространство *конуса*, соразмерного и высокого. В огромном этом зале ни одного окна – и однако чистый, прохладный воздух. И яркий свет, и на полированные плиты лег всюду ровный, сияющий мягко отблеск.

Массивный, темного металла широкий диск виднеется посреди. Он словно бы парит в воздухе, средь матового сияния... и далеко не сразу глаза, осваиваясь с переменою освещения, замечают цепь, на которой подвешен диск. Ее крученные звенья уходят вверх, и они теряются в опрокинутой короне лучей на вершине конуса.

Сей диск имеет вогнутую поверхность, и она идеальным образом отшлифована.

Как будто бы огромная линза обращена к мальчику, которого ввели в зал.

Никто его не удерживает и однако – он замер. Он словно оцепенел и не в силах оторваться от неожиданно представшего ему зрелища: своего собственного отражения, слегка уменьшенного и перевернутого. Но неправдоподобно четкого, будто перед глазами у него круглое окно – и видит он за ним самого себя, подвешенного головой вниз.

Высокий и грозный, в белом, – вдруг появляется из-за диска.

Подходит и становится перед мальчиком. И серые внимательные глаза изучают, вдумчиво и неспешно, поднявшееся к ним бледное и осунувшееся лицо.

– Известно ли тебе, – говорит высокий, – что именно полагается осмелившемуся смотреть на Игру богов?

– Смерть, – отвечает мальчик.

И слово, произнесенное им, *бесцветно*. Так выговаривается непонятный звук чуждого языка. Или – что было сказано бессчетное число раз до этого ранее.

– Хватило ли тебе ночи, чтобы проститься с жизнью?

Ответа нет. Запавшие глаза, вроде бы, устремлены на высокого, но в них осталась лишь пустота. Они смотрят *сквозь*.

Спросивший отступает назад. И, оказавшись вплотную к диску, выпрастывает руку из-под просторного облачения. В ней толстый металлический стержень, длиною в локоть. Отблескивающий так же, как диск.

По-видимому, извлечение жезла служит сигналом. Багровые плащи подхватывают мальчика крепко под руки с двух сторон и влекут вперед. Он даже не обращает лицо в сторону какого-либо из них, как будто и не почувствовав. Его подводят к самому диску. И собственные глаза мальчика, опрокинутые, оказываются перед его глазами.

Высокий медленно и почти торжественно возносит жезл...

и ударяет в металл, в край диска.

От этого удара зеркало не смещается, хотя оно свободно подвешено на цепи. Оно как впаяно в воздух... Но перевернутое изображение окружающего вдруг исчезает в нем, пройдя рябью.

Зрачки глаз мальчика, ожидавшего пустоты, взрыва небытия – сужаются: синева неба, глубокая, исполненная непобедимого солнечного огня разверзлась вдруг перед ним... игривый утренний бриз гонит под ясной лазурью легкие, пенящиеся волны. Вздывая брызги, вал разбивается о скалу, подобную одинокой башне, вздыбленную отвесно вверх.

– Что это? Скала Казней? – шепчет невольно мальчик. Робкая краска жизни вновь проявляется на его лице, воскрешенная удивлением. – Как это можно видеть на расстоянии?

А диск показывает уже совсем близко красноватый неприступный утес, высящийся среди волн. И четверо в коротких синих плащах удерживают на небольшой площадке около вершины его связанного человека. Раскаты моря, бьющего в подножие скал, каким-то образом долетают сюда, ослабленные, под свод конического пространства.

Высокий вновь ударяет жезлом о диск.

И это такой же точно удар, как первый, если судить по взмаху. Однако звука, обычного при столкновении металлических предметов, на сей раз нет. Взамен рождается низкий

гул, как будто бы под землею, воспринимающийся скорее костями тела, а не обыкновенным слухом. И гул переполняет пространство, и делается его могучей волне тесно в каменном колоколе... Синие фигуры на далекой скале – оглядываются.

В следующее же мгновение палачи берут связанного за голени и за плечи – и сбрасывают с площадки вниз.

Резкий предсмертный крик, несколько приглушенный, вспыхивает под сводом. Размытыми белесыми сполохами восходят в небеса чайки, вспугнутые со скал.

– Кто это?! Кто он... был? – невольно отступая от диска, спрашивает потрясенный мальчик.

И тогда страшный, что облачен в белое, остановив его блуждающие глаза непрерываемым стальным взглядом, произносит ему в ответ:

– Ты.

РОЖДЕНИЕ

Багряные перестают держать мальчика, они отступили к стенам.

– Вам нужно, чтобы боялись, – произносит он вдруг. – И чтобы ужас препятствовал даже и думать подсмотреть Игры.

– Нет, – отвечает ему высокий. – Нам нужно, чтобы боялись – и вопреки страху смерти все же приходили смотреть.

Так мы распознаём *своих*.

И снова он поднимает жезл. Теперь его движение еще медленней. Перемещение жезла сопровождается какое-то потрясывание, и оно усиливается. И мальчик ощущает всей кожей как бы нарастающий колкий, *стоячий* ветер. И в этот миг его палий – мятый, неопределенного цвета – вдруг сам собою начинает шевелиться на нем... топорщится вокруг тела странными складками... соскальзывает внезапно с плеч, распадаясь на лоскуты... и постепенно оседает весь у ног мальчика ворохом разваливающихся лохмотьев.

Ключки обугливаются и тлеют, охваченные незримым пламенем. И воздух дрожит над ними.

Лишившийся одежды отскакивает от этого невидимого костра, хотя не ощущает ни боль ожога, ни даже жара.

И медленно кивает высокий:

– Верно. Подальше от пожаров своего прошлого. Подальше от всего, что *сгорает*.

– Ты видишь, – повышает он голос, – вот, это выцветает любовь твоя! А это исчезают отец и мать... впрочем – а были ли они еще таковы тебе? Уходят ветхие небеса... и ветхие земли. И выкипает море. И погибают в очищающем жару твои враги. А также и твои друзья, родичи... Но все они теряют немного, ты мне поверь. Ведь их – *никогда и не было*.

– Догорает, – безжалостный высокий наводит в упор жезл

на мальчика, — и *самое твое имя*.

Смятение и отчаяние в глазах оставшегося нагим. А только что ведь он готов был принять, без трепета, смерть телесную!

Мольба или проклятье готовы уже сорваться с дрожащих уст.

Но облаченный в белое отошел, и отвернулся чуть в сторону, и даже не смотрит более.

А в следующее мгновение мальчик замечает, как суживаются, внезапно, зрачки высокого. Стремительно, как у зверя. И мальчик невольно прослеживает направление этого непрекаемого, словно меч, взгляда. И с удивлением обнаруживает, что высокий рассматривает... пустую стену.

Но мальчик замечает и то, что эта стена... *меняется*.

На полированном камне медленно проступают, рождаясь из ничего, сероватые тоненькие прожилки. Внедряются в толщу мрамора и растут, и они ветвятся... а камень обретает при этом, кажется, все большее разрежение. И новые излучины разделяют на мелкие дольки белую, теряющую матовый блеск поверхность.

Вот будто это уже и не камень вовсе, а это... переплетение виноградных лоз! Мозаика живых гроздьев, листьев... И белое постепенно уступает место зеленому... пронизанному солнечными лучами! И кое-где проступают, вздрагивающи-

ми соцветиями, тельца птиц, щебечущих меж ветвей!

Невероятное это преобразование разворачивается из точки, в которую устремлен взгляд высокого. Там ширится и растет, почти ослепляя глаз, пятно солнечное... Покачиваются веточки лоз, трепещущих на ветру – и яркая небесная синева врывается между ними!

И вот – зрелое золотое утро плещется в конический зал ароматом трав, мягким светом...

Преобразование замирает.

Граница места, где совершилось чудо, выглядит словно арка.

И в следующее мгновение мальчик понимает: перед ним вход, отверстие, края которого покрыты тонкой резьбой, изображающей ветвящуюся лозу с гроздьями. А за проемом арки простирается дол, где властвует, сколько хватает глаз, настоящий, живой и светящийся пьяными соками виноград...

Исчезли следы отчаяния с лица мальчика. Теперь его глаза выражают лишь бескрайний восторг. И безотчетно срывается с губ его:

– Боги!.. *Что* это?

– День твоего Рождения, – отвечает высокий. Эхо, громкое и спокойное, сопровождает его слова. – И на закате этого дня ты возьмешь, быть может, принадлежащее тебе здесь

по праву. Конечно, если будешь способен... И утром следующего дня обретишь одежду, достойную того, какой будет новая твоя жизнь.

Легкий ветерок задувает в новорожденное отверстие в мраморной стене. Высокий держит в руках, как это лишь теперь замечает мальчик, резной ларец.

Откуда бы ему взяться? Он вынул его из воздуха?

Затейливая крышка откидывается.

Глазам является нечто наподобие белой слепой змеи, которая поднимается, медленно разворачивая свои кольца. И это длинное тело, плавно изгибающееся в воздухе, покидает ларец... и оно плывет, безглазое и почти что плоское, подобно невесомому пуху.

Все ближе это странное существо к лицу мальчика.

И в медленном полете оно становится еще более широким и плоским, кружась лениво вокруг продольной своей оси. И мальчик лишь теперь понимает: это – кусок материи, разворачивающийся сам собою, который был сложен в ленту. Внезапно белая ткань охватывает его лицо.

Ее касание нечувствительно... мальчик с удивлением обнаруживает: он *видит* сквозь эту ткань, хотя материя показала ему непроницаемую для света, плотной. И более того – мальчик различает все окружающие предметы так, как если бы перед его глазами не было вообще никакой преграды. И даже острота его зрения, кажется, несколько увеличилась.

Ткань обтекает всю голову мальчика и ее концы смыкаются на затылке.

Чувство, будто бы они там... срастаются?

В этот миг – разламывается вдруг цепь, стыкованная немymi ночью на шее мальчика. Холодный и тяжелый *знак смерти*, звякнув, падает у его ног.

– Иди.

Какая-то затаенная теплота прорывается на мгновение в голос отрешенного повелителя.

– И помни это всегда: Тессий – не простой смертный. Тессий – такой же бог, как и все, которым поклоняется ныне Благословенный род!

– *Тессий...* – в недоумении повторяет мальчик произнесенное дважды имя. – Кто он такой?

И тогда, вторично за истекающее теперь и неистощимое на чудеса утро, следует ему ответ:

– Ты.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Склонение солнца к западу незаметно, и тем не менее середина дня минула, как можно это видеть по тени, удлинившейся от закатных скал.

Их мощные гранитные гребни напоминают неприступные бастионы. И точно такие высятся на восходе, такие смотрят

и на полночь. Каменное кольцо, словно крепость, воздвигнутая титаном, хранит потаенный дол Виноградных Лоз.

Естественная стена разомкнута лишь на юге, но эта расщелина ведет в бездну. А там стоит неизменное облако водных брызг, мерцающее и радужное. То низвергается водопадом к морю река, питающая долину.

Она и начинается водопадом, сия река. Она стремится по кромке, на головокружительной высоте – пытаюсь еще поначалу сопротивляться неминуемому падению. Ее изгиб глядит издали, как неподвижная и блистающая ломаная полоска. Напряженные струи мерцают, а иногда сверкнет, чуть выбившись скачком в сторону, шалая водяная прядь... Но нарастает уклон и река срывается. Она падает. И каменное твердое ложе, что подстилает богатый дол, образовало здесь чашу под непрерывным ее ударом.

Глубокое и ярко-синее озерцо. Такое у воды свойство: чем более глубина, тем совершеннее поверхность отражает цвет неба – конечно, если вода прозрачна. Широким и уже неспешным потоком покидает синее озерцо река. Привольно и прихотливо петляет она по сокровенной земле богов, искрящейся янтарными гроздьями. И постепенно так она достигает своего следующего, предельного водопада.

Речная гладь источает свежесть... Новорожденный бог, присев на прибрежный камень, рассеянно глядится в несо-

вершенное и завораживающее живое зеркало.

Он видел бы улыбку сладкой истомы у себя на лице, когда б не белая маска.

Развесистый широкий веноч, сплетенный из виноградных листьев, защищает голову Тессия от лучей солнца. Пред его глазами лишь белые облака, опрокинутые в поток, причудливые и медленные. Принадлежащие как будто иному миру. Такими делает их отраженье в зыбкой, вздрагивающей струе.

Вдруг резкая подвижная тень перечеркивает сиянье неба. И рыбки, что стояли спокойно против течения, бросаются врассыпную. Когда б ни сполох их серебристых тел, Тессий, может быть, так и не заметил бы этой тени. Настолько он ушел в грезы.

Теперь он видит новое отражение.

Белый плащ... рывком вздетые руки... в них сжат клинок, нацеленный острием вниз!

И Тессий опрокидывается назад, пружиной распрямившись на камне, на котором сидел. И бьет его голова в живот собиравшемуся пронзить сердце Тессия ударом между лопаток.

Горе-убийца роняет взблескивающий кинжал. И, вскрикнув, падает сам, соскальзывая по плечу Тессия.

И сваливается в поток. Вскочивший на ноги мальчик стоит над ним и уже занесен у него в руках, для отмщенья, тя-

желый камень.

Однако победитель медлит разбивать голову нападавшему, всматривается в его облик... Перед ним древний, седой старик. Поток пытается сорвать с него белый плащ. Такой до странности белый, что, кажется, даже речная влага не может обороть его неземную яркость. Худое высохшее тело не сделалось еще дряблым. Оно подобно красному дереву, выгоревшему на солнце. Печальные выцветшие глаза смотрят на готовую обрушиться глыбу – и страха никакого в них нет!

Медлительные пальцы под водой скребут гальку. И старец поднимается, наконец, с тихим стоном. Садится прямо в журчащей вокруг воде – и поворачивается спиной к Тессию, уронив голову.

И победитель вдруг чувствует, к своему удивлению: а ему печально, что скрылось от его взгляда это поразительное лицо!

– Кто ты?.. Ты почему искал моей смерти?

– Сандрий, – звучит в ответ. – Еще меня называют боги *Говорящий о будущем*. Мое Искусство позволяет *видеть вперед*... И вот, что я увидал о тебе, новорожденный бог Тессий.

Он знает имя мое, которое не ношу и дня? Ему сказал тот, высокий, или же это правда, что он способен...

– Ты будущий убийца собственного отца. И ты – погубитель Острова... Нет горше предначертанного тебе! Я помню

много печальных, которые не смогли овладеть Искусством. Я знал и овладевших слишком уж хорошо, уверовавших в себя сверх меры – и сгинувших в Лабиринте... Но эти беды просто ничто, бог Тессий, по сравнению с ожидающими *тебя*. Я сделал для тебя все, что мог: попытался тебя убить. Избавить от переживания такой жизни... и у меня ничего не вышло. И *это* тоже видел я наперед! Скажи мне, новорожденный... *зачем рождаются богами?* Если и в этой жизни, как в прошлой, никто не властен избежать своей Судьбы.

Часть вторая

ВСТРЕЧА

Край солнца прикасается к океану. Их встречи не увидеть из долины Лоз. Она погружена в тьму – виноградная чаша-раковина, сокровенная душа Острова. И выше мрака только зубцы окруживших ее непреступных скал. Они как будто парят, подсвеченные лучами прощающегося солнца.

Их очертанья колдовски соразмерны. Ветер их ваял или боги? Теперь – кто помнит? Венец неправильных пирамид врезается в глубину неба, восточного и уже темнеющего. Гранитные их тела – как языки космического огня, застывшие неподвижно.

И также недвижим Тессий. Он смотрит вдаль, и чудится новорожденному богу: от созерцания огневых фигур, стоящих над морем тьмы, – медленнее, тяжелей стучит сердце. А может, это он уже дремлет?

Нет. Это не впечатление на грани бодрствования и сна! И это не удар крови. Это... какой-то повторяющийся ритмично гул исходит из-под земли. Но – ЧТО это?

А где-то на просторе во мгле долины рождается играющим огнем арка. Такое впечатление, что – над местом, откуда гул. И Тессий медленно поднимается, вглядываясь... и трогается вдруг в путь.

Идет на этот огонь. И у него нет ни малейшего представления о том, зачем ему это нужно.

Дорога Тессия пролегла сквозь трепетные, мелькающие плотными клочками тьмы листья. Сквозь маслянисто взблескивающие, полные затаенного вина гроздья... Такое повторится не раз потом в снах его. Ночной путь. И медленный тяжелый удар, легкий шаг... И отдаленный этот огонь, что зовет к себе, подмигивает издалека, как будто бы обещая что-то. Красивый древний огонь, живущий во глубине.

Покалывают ступни сокрытые во тьме травы. Порой тугие сплетшиеся лозы совсем преграждают путь, и их приходится раздвигать, с усилием, и тогда – по животу и груди, по бедрам перебегают влажные прохладные пальцы скользящих ягод...

Вдруг делается сильнее путеводный свет. Как если бы подбросили щедро хворосту в горящий ровно костер. И Тессий – ступив и разведя в стороны очередные спутавшиеся лозы – замирает.

Вместо одной сияющей огнем арки перед ним теперь – шесть. И расположены они в два ряда. И полукружия нижних обращены вниз, и они трепещут, как лунная дорожка на поверхности мелких волн. И слышится журчанье потока.

Прохлада веет в лицо. И Тессий понимает, *что* это перед ним: три входа – три *отражения*.

В отверстия видна пустота пещеры, высеченной в скале.

А между этой отвесной гранитной стеной и Тессием – стремительное темное зеркало.

Такого места я не видал здесь днем! Хотя побродил немало по берегам реки, по прихотливым изгибам ее в долине.

Необычаен и подступ к руслу. Резные плиты, подогнанные одна к другой, выстилают путь. И в эту ясную ночь их поверхность мягко отблескивает серебряным звездным светом.

И камень сохранил еще солнечное тепло – ощущает, ступая на него, Тессий. Искусная мостовая кладка уводит вниз. И кажется, что она продолжается и под воду.

На плитах выбиты руны. Их борозды глубоки, но они, тем не менее, полустерты. Как если бы уже многие прошли здесь. И можно разобрать лишь два знака. ПУТЬ и... ОСТАВИТЬ? Или – ОСТАВИВШЕГО?

Но – ЧТО?

Нога ступает в поток.

И Тессий невольно вздрагивает от ледяного его касания.

Но тело радо прохладе. Течение становится тем стремительнее, чем ближе середина потока. Но это не мешает продолжать путь: донные мостовые камни, все испещренные резной рунической вязью, надежную опору дают ступням.

Подводная тропа влечет под уклон, холодная и сильная струя чувствуется, уже, у горла. Со следующим шагом голова

Тессия скрывается под водой. Дна нет! Сверкающий ледяной огонь схватывает, несет и крутит...

Но каменные плиты впереди ближе уже к поверхности. Вот ноги Тессия чувствуют, наконец, борозды резных знаков... Пошатываясь, бог выбирается на противоположный берег; сердце его заходится...

А эти три арки выше, нежели показались издали!

Ко входу поднимаются от воды широкие, выщербленные ступени. Подмигивает в округлых проемах свет. И обещает он Тессию тепло, желаемое так телом после ледяной ласки текущей с высот реки. Тессий входит.

Его глазам предстает пространство трудно определимой формы, просторное. В каверне гладкий полированный пол... и прямо из его середины бьет мощный огневой столп, яростно, неудержимо летящий вверх! Сияющая огневая колонна теряется в неизмеримой выси. Тут потолка не видать; ствол огневого дерева гудит и трепещет, и капителью этой колонны – облак раскаленного воздуха, вздрагивающий, и он скрывает в сиянии своем свод, и не позволяет видеть отверстия, в какое уходят жар.

Глубокая и темная борозда лежит вокруг огненного столпа. Она объемлет собой значительный весьма сектор зеркального пола каверны Пламени – около его пятой части.

И странная это борозда. Она представляет собою нечто

совершенно невероятное: ее положение смещается, чуть-чуть, всякий раз, как вздрагивает огневой столп, посылая в стороны волну жара!

Но Тессий не замечает этого. Кожа бога, пошедшая мурашками после холодного купания, радостно принимает жар. И бессознательно Тессий подступает все ближе к его источнику. И медленно, отведя назад плечи, чуть запрокинув голову – переступает бог вздрагивающую черту.

В глазах у него темнеет.

На краткий миг он перестает чувствовать верх и низ. Опора под ногами исчезла... но в следующее мгновение ступни ощущают вновь твердый, надежный камень.

Но этот камень *холодный*.

И тело Тессия, объятые еще миг назад жаром огневого столпа, – пронизывает ласковый холодок ветра. Такой неослабевающий лет прохлады возможен только на воздухе – на пространстве, где вовсе никаких стен.

Фосфен огня маячит еще в глазах... но над головой Тессия – холодные далекие звезды, мерцающие из черной бездны. И краткие штришки метеоров. И – падает неподвижно в бездну, захватывающую дух, тончайшее нескончаемое и светящееся кружево...

О, боги! Да ведь это... АМФИТЕАТР!

Оглядываясь по сторонам, Тессий не в состоянии все еще

до конца поверить, что произошло это чудо. Что непостижимая сила бросила его чрез расстояние во многие стадии, сквозь неприступные горы... Впрочем – он видел ведь уже так много чудес...

Так вот что это такое – родиться богом! Вчера (столетие ли назад?) подкрадывался, мечтая краешком глаза подсмотреть Игры. Хотя бы издали... А Сегодня – УЧАСТНИК их!

Они танцуют вокруг! И Тессий даже и не заметил, как принял ритм. И кружится вместе с вышними в их согласном, в их невозможном танце!

Вся музыка слышна осязанием. И она – упругий гибкий огонь, пьянящий и растворяющий, пульсирующий во тверди Круга.

Я слышал издали ритм ее... тот удар, что приходил как будто из-под земли. В долине он показался мне, по началу, биениями собственного моего сердца. Теперь же мне слышна и мелодия. И какое это... богатство! Какое это...

Она скрывается от сознания, внятная едва уху. Но тело пробирает все, полностью, как легкая огневая кровь!

Нагие, как и сам Тессий, женщины и мужчины, объятые огневым отсветом, стремительно летят в танце. Рисунок пляски ткут словно бы золотые спицы. Простой и ясный, однако не повторяется он и вовсе однообразно.

Танцующих иногда облачают какие-то как бы темные лоскуты. Рождающиеся из ниоткуда, соскальзывающие, спустя мгновение.

А ведь это... ТЕНИ! Другие боги входят сейчас, далеко отсюда, в каверну Пламени. И ослепительный столп отбрасывает сюда их тень, через многие стадии расстояния, как он отбрасывает свой свет. И тени дальних скользят по телам танцующих...

Его догадка верна, понимает бог. И то, о чем догадался он, едва ли представляется ему странным. Объятия этой музыки растворяют всё! Уже не существует, как будто, ни *странного*, ни *обыденного*. Нет *близко* и *далеко*. Существует лишь здесь... сейчас... этот Круг!

Под опрокинутой бездной неба.

Очерченный стеной мрака, за которой шепчутся травы...

Мерцающий сокрытым огнем. Пульсирующий под ногою как... сердце.

Единое на всех – сердце.

Все пляшущие подобны течению одного Огня.

Их лица скрывают маски, как и у Тессия. Мелькающие полосы белого кажутся огневыми клочьями в дивном свете. И – дикую, влекущую к себе силу согласованное движение придает телам! Они подобны тяжелым стеблям, колышущимся под ветром. Кружение обнаженных... единый танец, которо-

го фигуры свершаются идеально слаженно вопреки погасившим лица слепым повязкам!

НЕ МОЖЕТ этого быть! Это – сон.

И тем не менее чувствование яви никогда не бывало еще столь остро! Происходящее совершенно невероятно, и однако всякое ощущение, из которого оно соткано – достовернее и сильнее, и ярче, нежели когда-либо дарила еще действительность!

Пир длящегося СЕЙЧАС! Невозможная – родившаяся и все не гаснущая, НЕПРЕКРАЩАЮЩАЯСЯ МОЛНИЯ...

Блаженное и бездумное растворенье в несущем *теперь* потоке.

Захватывающая как бы извне и пьяная, деспотическая свобода!

Восстание души *тела*. Все чувства бодрствуют, восприятие текущего несказанно обострено, а душа – как будто бы на отлёте.

Или – словно б она *едина*, душа всех тел. Как будто ежесекундно рождающихся и растворяющихся, летящих – без мысли, воспоминания, имени – в пульсирующей и огневой стихии...

Здесь нет границы, которая бы разделила внутреннее и внешнее, и потому невозможно судить о степени, в какой должно, а в какой не должно проявляться желаниям. И...

некому рассудить! Потому что здесь лишь легкое летящее тело, радуемое течением танца! И будто сверхъестественно точно отображающее всякую излучинку пляски – новый завиток, дразнящий изгиб...

Мерцающее полотно движений ткется вокруг... Из него рождается, иногда, некий повторяющийся узор: стремительная гибкая фигура рельефных контуров, как вспыхивающая в развороте!

Все ближе!

Быстрая! Высокая! Сильная! Безудержно привлекательная...

Едва ли в эти мгновенья Тессий определит место, какое занимает это пылающее чудо на шкале статей, выстроенной мужчинами. Весь мир свернулся в клубок. Являемое принимается безусловно, как вырванное за предел мер, степеней и шкал.

Парящие руки Тессия – сами, словно они какие-то отдельные существа – протягиваются и обнимают женщину. И пальцы перетекают рельефом подвижной плоти. Подобно крабу, спускающемуся с камня. И краб находит пристанище...

Танец длится. Прижавшаяся вплотную к Тессию угадывают любое его желание, предвосхищает его движения... Нет, даже и не угадывает! Она – это уже он. Он – это теперь она... так может быть лишь во сне!

И вот уже *двоих* нет. Оба поглощены *единым*, властвующим безмерно. Они пропали – слились в нововозникшее *нечто*, выпав из летящего вокруг танца... остановились: движения их единства более не укладываются в ритм.

Тессий и его женщина... женщина и ее Тессий – они соскальзывают, замедленно, друг по другу. И вот уже принимает их, как *мягкая* податливая перина, каменная плита, которая вся, насквозь – пульсирующий ритмично гул... Так, лежа – полнота обладания позволяет им снова влиться в единый ритм с окружающим.

Как будто все вокруг и внутри пронизал жидкий огонь! Растущее наслаждение воспринимается как лучи тяжелого, плавящегося шара. И притяжение этой планеты *неустово*, и она стремительно, неудержимо всходит над бесконечным, бурным – но неправдоподобно *замершим* океаном.

И океан знает: когда сияние знойного светила займет все небо... все это пространство над – *придет смерть*. И океан торопит ее. Он хочет... чтобы она скорее... пришла к нему... эта смерть.

ШАГ

Солнечный луч то бел, то словно бы пропущен сквозь изумруд. И тает сновидение Тессия под переменчивым этим светом.

И вот он открывает глаза. И перед ними оказывается полог из живых листьев, которые колыхает утренний ветер. И водят хоровод пятна солнца и пятна тени по своду над головой Тессия.

Молодой бог оглядывается, улыбаясь бездумно.

Неровная каменная стена... тесный грот. Две полукруглые арки располагаются под углом, и за одной из них свет, листья и ветерок, а за другую сумрак и вниз куда-то уходят крутые выщербленные ступени.

Пещерка дышит покоем и чистотой. И даже как-то... уютно – несмотря на то, что никакой и обстановки нет. За исключением ложа, на котором бог провел ночь. Точнее, оставшуюся малую часть упоительной этой невероятной ночи... Около ложа белое полотно, валяющееся небрежно, как оброненный плащ.

Как это я оказался... здесь? ГДЕ я?

Усиливается утренний бриз и перебирает ветви за аркой. И яркий луч бьет в глаза – и почему-то это вызывает смех Тессия! Он вскакивает с ложа и распрямляется, хрустко прогибаясь в спине. И пальцы взброшенных рук дотрагиваются до неровностей свода.

И Тессий замечает течение чего-то белого краем глаза. Это по его ложу скользит, сам собою, плащ. Перемещение лоскута материи не такое, как если б его нес ветер. Тессий с

удивлением замечает: плащ движется, как... живой. Все это белое полотно струится, целенаправленно вполне, к Тессию.

Материя обвивается около его ног. Взбирается по ним выше, захлестывает колени, бедра... Скольжение по спине... неслышный мягкий поток перекачивается через плечи, ниспадает на грудь. Защелкивается фибула, все так же сама собою, сверкнув пред глазами Тессия золотым блеском. И одевание замирает – белое, невесомое. Нисколько не стесняющее движений. Почти что неоощуемое.

«И утром следующего дня обретишь одежду...»

Тессий меняет позу и золотая застежка, имеющая вид головы быка, снова взблескивает. Он раздвигает руками живую занавесь – а это ветви лозы – и взору его является... только небо.

Да где же это я все-таки? Что за место?

Он осторожно переступает порог ночного пристанища. Пред его глазами каменная площадка – уступ скалы, широкий, выступающий далеко в море.

Слепящая поверхность воды внизу искрится и перемигивается на солнце. Медленные крупные чайки кружатся в воздухе.

Я слышал эти крики сквозь сон.

Некоторые птицы пикируют к отдаленной кромке. И замирают, как остановленные на высоте половины тельца от поверхности камня. На самом деле это просто не видать из-

дали тонких лапок. Через какое-то время чайкам надоедает оставаться недвижимыми и они бегут – а словно плывут над кромкой – и снова взмывают в небо.

Вдруг белая пелена застит все. Небо, и яркое далекое море, и кружащих над ним чаек... Через мгновение же утренняя даль видна вновь. То разомкнулась на затылке у Тессия и отстранилась от лица маска, о которой успел он уже забыть. Лоскут ее скрывал его черты все то время, какое бог был нагим. Теперь материя удаляется от его глаз... проделывает петлю в воздухе, сверкнув белоснежным росчерком... и возвращается, и успокаивается на плече Тессия.

И делается маска почти незаметною посреди складок материи плаща, потому что она такого же точно цвета.

А в следующее мгновенье нет «почти»! Лоскут вот только что был и внезапно он... растворился!

И бог не верит глазам. И ведет рукой... Но и его осязание свидетельствует о том же: маска исчезла.

Ее впитала эта материя, на ощупь обыкновенная, плотная, свободной складкою ниспадающая с плеча. Ткань маски перестала существовать как нечто *отдельное*. Подобно чаше воды, что вылита была в озеро.

Правда ль, что я проснулся? Наверное, я все-таки еще продолжаю спать, это – сон.

Из оцепенения Тессия выводит звук, раздавшийся сзади

справа. Ударились и хрустнули камешки – как если бы под ногой. И в памяти немедленно вспыхивает событие вчерашнего дня: острое, взнесенное над головой Тессия – и отразившееся в потоке.

И, вздрогнув, бог оборачивается.

По направлению к Тессию идет, медленно, некто в белом. В таком же в точности, как у Тессия, развевающимся плаще. И вот он приближается на расстояние вытянутой руки, и Тессий видит его лицо и его глаза очень близко. Зрачки у незнакомца слегка расширены и они совсем неподвижны. И странный этот неуловимый взгляд устремлен, кажется, куда-то за горизонт.

Размеренным и скользящим шагом, едва заметно ускоряющимся, неизвестный проходит мимо. Не оборачиваясь. И вряд ли вообще заметил он Тессия, с которым чуть не столкнулся!

И запоздало проскальзывает по невольно вытянутой руке взвившийся белый край.

Идущий виден теперь Тессию со спины, удаляющийся, и кажется он язычком белесого пламени, постепенно гаснущего. И вот он приближается уже к чайкам, замершим на уступе. И эти птицы, подобные цветам хлопка, выросшим вдруг над бездной, не проявляют признаков беспокойства. Не закричали и не взмывает ни одна из них в воздух. Белые скользящие пятнышки их телец отплывают лишь, раздвинувшись

чуть-чуть в стороны.

Вдруг что-то обрывается в груди Тессия. Он вдруг осознает: яркий плащ – давно уже как удаляется от него *по воздуху*, выше кромки!

И в следующее мгновение белая фигура, вычерчивая стремительную восходящую линию – свечой возносится в небо!

И вот уже это пятнышко, отличаемое едва размерами, что скрадываются расстоянием, описывает в голубой бездне медленные круги, как чайки.

Тессий не в состоянии отвести взгляд. И голова его запрокинута. Его сердце – как будто он в ночном и пылающем танце Круга!

Все тело Тессия обретает, кажется, необыкновенную легкость. И память проявляет вдруг переданное вместе с именем: «Тессий – не простой смертный. Тессий – один из вышних, богов, которым поклоняется Благословенный род!»

И губы *одного из* приоткрываются в торжествующей, дерзкой улыбке воли!

Он мчится вперед к обрыву, забыв сомнения. И испугнутые его стремительным бегом чайки вспархивают и разлетаются, как белоснежные брызги. И стены прибрежных скал отражают их резкий крик.

Вот ноги оттолкнули камень обрыва... и Тессий падает. Он растворяется в безопорной бездне, раскинув руки...

Вдруг острая ледяная игла пронизывает его сердце – той *легкости*, которая мерещилась ему, пока он бежал, *большие нет!*

Он падает, беспомощно перекувырнувшись в воздухе, головой вниз. Он чувствует нарастающее сопротивление ветра.

Внизу волна обнажает каменные клыки отмели... бог слышит звенящий крик – собственный, отброшенный назад скалами. И вторят ему испуганные и мечущиеся стенанья чаек.

Тараны тверди, растущие и влажно отблескивающие, стремительно несутся навстречу. Они нацеливаются в его лицо и грудь, и –

Вдруг на груди у Тессия смыкаются руки, крепкие и надежные, охватив подмышки.

Спасен?..

И его сознание, успевшее стать как *плоским* в предельный миг, и сжавшееся до размера кулака камня, готового разматывать ребра – перенапряженное сознание оставляет бога совсем.

...Огненные круги убегают по бесконечному коридору, темно-багровому. Вверх, постоянно вверх...

Весь мир состоит из неба; все небо состоит из некоего как бы текучего и ленивого, неяркого сияния, пламени. Сначала этот мир не имеет и горизонта, но вот – из ничего появляется слепящая полоса и медленно, неудержимо раскалывает

пополам весь этот однообразный пурпурный мир. Сияющий разлом ширится – и заполняет собою все, вытесняя небо, и плавающие в нем кольца, мерно бегущие...

И Тессий осознает: это поднялись его веки, как будто разрешаясь оков. Он словно *возвращается издали*... он обнаруживает свое тело покоящимся на мелкой прибрежной гальке.

Он чувствует: играющая прохлада, время от времени, охватывает его ступни. Это, понимает очнувшийся, накатывает прибрежная утренняя волна... Как высоко вздымается каменный утес... и где же на нем то место, откуда он сделал шаг?

И к Тессию наклоняется улыбающееся лицо. Медленно, словно облако. И Тессий понимает не сразу смысл одного единственного сказанного ему слова.

– Жив.

Он узнает незнакомца, который не заметил его, пройдя на расстоянии вытянутой руки.

– Зачем ты был настолько неосторожен? Тебе немыслимо повезло, что я оказался рядом. Я подхватил тебя за мгновение до твоей смерти!

– Я думал, боги бессмертны.

– Бессмертны лишь те из нас, кто избирает это своим Искусством. Таких не так уж и много. Я, Селий, предпочитаю Искусство подражать ветру. Таков мой окончательный выбор, думаю. Мне ведь уже три года – я зрелый бог.

Селий не говорит более ничего, однако его глаза и улыбка призывают ответить на невысказанный вопрос.

– А я родился вчера. Мое имя – Тессий.

– Я догадался, что ты – рожденный совсем недавно, – улыбка собеседника делается еще шире. – Немало младенцев гибнет, не успевая даже и осознать, что, собственно, изменилось в них... Сегодня замечательный день: у меня получилось помешать богу *не состояться!* Уже и ради одного этого стоит практиковать Искусство... Солнце высоко! Отправимся ко мне, Тессий. Пора тебе впервые попробовать наши вино и хлеб.

СИЛА

На каменные ступени, которые ведут в покой Селия, набегают волны. Боги расположились на мраморной скамье перед входом. Чаши, наполненные вином, в их руках. И плещущийся прибой вплетает неслышные голоса в их беседу.

– Ты упомянул *выбор*, Селий...

– Выбор состоит в том, что всякий, рожденный богом, однажды должен решить, на что же будет в основном употреблена Сила, которую ему дают ночи Круга.

– А что ты разумеешь под словом «Сила»?

Тессий следит, как маленький, наполовину прозрачный краб выбирается на ступень. Пытается зацепиться лапами, и

однако поток отступающей воды опрокидывает его и уносит. Краб, впрочем, не особенно и сопротивляется.

– Этого не пояснить в двух словах. Необходимо понимание ряда вещей, что превышают разумение *человеческое*, то есть установления твоей прошлой жизни. Быть может, лучше бы мне было сказать: *чувствование* таких вещей.

– Что ты имеешь в виду?

– Начну с главного. Краеугольный камень всего божественного достоинства составляет один закон. Его название может показаться для тебя странным. Это – **НЕСОПРИКОСНОВЕННОСТЬ ПЛАЩЕЙ И МАСОК.**

Невольно Тессий подается чуть ближе к новому другу.

– Селий! Моя летучая маска впиталась в ткань моего плаща! Это произошло перед тем, как раз, как я сделал шаг, который, если б не ты, оказался бы в жизни моей последним. Большой и плотный лоскут растворился в складках, как будто это роса! Случилось это сразу же вслед за тем, как на плаще этом сама собой защелкнулась фибула.

– О том я и говорю. Ты увидел чудесное свойство нашего одеяния. Оно-то и стоит на страже закона, который только что я назвал. Развернутая формулировка такова: **ЛИЦО ДА ПРЕБЫВАЕТ СОКРЫТЫМ, КОГДА ОБНАЖЕНО ТЕЛО.**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.